

О стойках и стоицизме

В русском языке слово “стойк” прочно, в общем-то, правильно ассоциируется с глаголом “стоять”. Ассоциация, как мы увидим в дальнейшем совершенно случайная, но если и бывает полное совпадение случайности и необходимости, то оно перед нами. “Стойк” это тот кто “стоит”, хотя бы и рушилось все вокруг, “стойк” – это тот, кто выполняет свой долг до конца, хотя бы и не было никого кто бы спросил с него.

Родиной стоицизма является Греция, здесь начал учить и основал свою школу Зенон (ок. 300 г. до н. э.). Чему учил Зенон? Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Из сочинений Зенона до нашего времени не дошло ни одного. Исследователи античной философии излагают и анализируют учение стоиков раннего периода “в целом”, и сказать, что именно из этого учения принадлежит Зенону, а что последователям, в большинстве случаев невозможно.

Вот то немногое, что известно достоверно. Зенон первым ввел разделение философского учения на три части: физику, этику и логику. При этом сам он в, отличие от некоторых своих последователей логику ставил на первое место, физику на второе, этику на третье.

Учение ранних греческих стоиков ставило своей задачей ответить на вопрос о смысле и цели жизни, и складывалась как целостная политическая система (в борьбе с враждебным эпикуреизмом), в рамках которой ответ на любой конкретный вопрос возможен только в том случае если он хорошо обоснован.

Зенон, например, учил, что цель человека жить “согласно с природой”. Но что же такое “природа”? Жить согласно с природой, продолжает Зенон, это то же самое, что жить согласно с добродетелью: сама природа ведет нас к добродетели. “И наоборот, жить добродетельно – это значит то же, что жить по опыту всего происходящего в природе, потому что наша природа есть лишь часть целого. Стало быть, конечная цель определяется как жизнь, в которой мы воздерживаемся от всего, что запрещено общим законом, а закон этот верный разум, всепроникающий, тождественный с Зевсом, направителем и распорядителем всего сущего. Это есть добродетель, ровно текущая жизнь счастливого человека, в которой все совершается согласно с божеством каждого и служит воле всеобщего распорядителя”.

Даже при поверхностном анализе этого отрывка нельзя не увидеть как органично и неразрывно соединены в этом рассуждении физика, натурфилософия, логика и собственно этика. И это присуще любому положению стоической философии. Такому единству трех частей философии в не меньшей степени способствовала особая система категорий, разработанная стоиками.

В Рим стоицизм был перенесен Панаэцием из Родоса (ок. 185-110 гг. до н.э.). Панаэций и его младший современник Посейдоний из Апамеи (ок. 135-51 гг. до н. э.) по историко-философской традиции считаются представителями так называемой Средней Стои.

В Риме стоицизм поистине обрел свою вторую родину. Здесь он и умер, и здесь он свое бессмертие. История стоицизма на римской почве на первый взгляд может показаться своеобразным историко-философским парадоксом. Во-первых, начиная уже с Панаэция, стоицизм все чаще входит в самые разнообразные “эkleктические” связи с другими учениями (прежде всего с платонизмом и неоплатонизмом), начинает “смягчаться”. Во-вторых, весьма проблематично говорить и о творческом развитии стоицизма в Риме: каждый из поздних стоиков, имеем в виду только трех: Сенеку, Эпиктета и Марка Аврелия, если оценивать их учение чисто академически, не может

быть признан вполне оригинальным мыслителем; каждый из них лишь усиливает ту или иную стоическую категорию, ту или иную сторону учения, мало или почти не изменяя его в целом. Кроме того, римские стоики не столь последовательно, как Зенон, придерживались принципов собственного учения. Иногда их жизненное поведение лишь слегка и не в главном расходилось с теми принципами, которые они проповедовали, но случалось - и Сенека тому примером - что оно полностью им противоречило. И, тем не менее, стоит только произнести слово “стоик” или “стоицизм”, и в сознании людей возникает образ Рима, образ того же Сенеки или Марка Аврелия....Лишь немногие вспомнят при этом, что изначальной родиной стоицизма была все-таки Греция и почти все с философской точки зрения ценное и оригинальное в стоицизме разработано греческими философами, а отнюдь не римлянами. В чем же дело?

Римские стоики, прежде всего и главным образом – “учители жизни”, “вечные спутники человечества, точнее, той ее части, которая по складу ума и характера близка к стоикам. Короче говоря, стоики для стоиков.

Римляне воины, “мужи”, “государственники” и завоеватели – были стоиками чуть ли не от рождения. Их не интересовал вопрос, “оригинальна или неоригинальна” та или иная философия, их волновало лишь одно: насколько она созвучна их умонастроению, может ли она помочь в их нелегкой жизни, насквозь пронизанной идеей государства и права, насколько она к ней приложима”. Стоицизм приложился прекрасно.

Философия “героического пессимизма” (именно так логично охарактеризовать стоицизм) была очень созвучна мировоззрению римского народа. Тем более что в Рим стоицизм проник в то время, когда тот по своему историческому возрасту соответствовал эпохе Зенона: исторические сумерки сгущались уже и над ним. Как капитан должен покинуть тонущий корабль последним, так и стоику римлянину предстояло в ближайшей исторической перспективе продемонстрировать “городу и миру” свою абсолютную выдержку и доказать свою непоколебимую верность вскормившей его империи. Роптать ему было не на кого, надеяться не на что, нужно было только молча и с достоинством умереть, дабы не уронить себя перед лицом вечности. Но стоик всегда должен знать (и он знал это), что каждый его поступок встречался скептической ухмылкой циника и что плодами его трудов воспользуется не он сам, а некий “эпикурец”... Вот те причины, в силу которых философия стоиков оказалась для римлян в буквальном смысле слова “философией жизни”.

Разумеется, сказанное относится не ко всем римлянам поголовно, а лишь сознательным носителям “римской идеи”.

Была и еще одна причина счастливой судьбы стоицизма в Риме (точнее сказать: “посмертной судьбы стоицизма в Риме”): это особые отношения, которые сложились здесь между умирающим стоицизмом и нарождающимся христианством. Многие идеи и образы Нового Завета почти дословно совпадают с цитатами из сочинений Сенеки. Эта близость идей Сенеки христианству уже в древности породила легенду о его христианстве (якобы в христианство Сенеку обратил апостол Павел), что дало повод к составлению мифической переписки между ним и апостолом Павлом. Много родственного с христианством и у Эпиктета, который к тому же по своему социальному положению был близок к членам раннехристианских общин. “Родство” между стоицизмом и христианством не стоит, конечно, преувеличивать: стоики все же, несмотря на целый ряд своих созвучных христианству идей, оставались язычниками, например, Марк Аврелий, “хотя и по долгу службы”, все-таки организовал гонения на христиан. Но это родство не следует и игнорировать. И может быть самое глубокое родство между стоицизмом и христианством следует искать не в совпадении отдельных

мыслей и высказываний, а в том самоуглублении личности, на котором история стоицизма заканчивалась, а история христианства начиналась.

Переворот, совершенный стоиками в философии можно назвать, если воспользоваться современным термином “экзистенциальным”: чем безразличней становится мудрей к окружающему его миру (в том числе и социальному), тем сильнее он проникал в сокровенные глубины собственного Я, обнаруживая в своей личности целую вселенную, ранее совершенно неведомую и недоступную. В “Размышлениях” Марка Аврелия достигнута, по-видимому, предельная глубина самопознания и исповедальности, доступные античному человеку. Без этого открытия “внутреннего мира” человека (“внутреннего человека” по терминологии Нового Завета), совершенного стоиками, едва ли была бы возможна победа христианства. Поэтому римский стоицизм можно в определенном смысле, рассматривать как “подготовительную школу” христианства, а самих стоиков (Сенеку, Эпиктета и Марка Аврелия) – как “искателей Бога”.

Со смертью Марка Аврелия умер и стоицизм. Точнее, началось бессмертие стоицизма. В той или иной степени, в той или иной форме стоицизм (уже не столько как философское учение, а как определенное устроение, определенный склад ума и характера) возрождался неоднократно. Стоиками были английские пуритане, носители “духа капитализма” и основатели Новой Англии. В России несомненным стоиком был протопоп Аввакум и многие, многие тысячи других.

Разумеется, стоики, как наиболее активная и твердая в своих убеждениях часть населения, в любой стране всегда составляли меньшинство. Но это было социально значимое меньшинство, которому нередко удавалось переломить неблагоприятную ситуацию в лучшую сторону, хотя бы при этом им самим почти никогда не удавалось воспользоваться плодами своей победы.

2. Римские стоики.

Стоицизм стал мировоззрением многих образованных римлян еще в I в. до н. э. В стоицизме искали опоры и Марк Туллий Цицерон, и Марк Юний Брут, организовавший вместе с Гаем Кассием Лонгином убийство Цезаря. В I в. до нашей эры стоическое мировоззрение разделяли и Варрон, и Коллумелла, и Вергилий, и многие другие римские граждане. В нем они черпали силы для полной непредсказуемыми опасностями жизни.

Крупнейшими теоретиками римского стоицизма в I-II вв. н.э. были Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий.

Это разные люди. Они никогда не встречались. Сенека умер, когда Эпиккету было лет пятнадцать, Эпиктет умер, когда Марку Аврелию было лет семнадцать. Но каждый последующий знал сочинения предыдущего или предыдущих. Глубоко различным было и их социальное положение. Сенека - крупный сановник и богач, Эпиктет, сперва раб, а потом нищий вольноотпущенник. Марк Аврелий – римский император.

Сенека.

Луций Анней Сенека родился в римской провинции Бетина, в Южной Испании в городе Кордова в самом конце I в. до н. э. и прожил около семидесяти лет.

Отец Сенеки – также Луций Анней Сенека (старший) – принадлежал к знатному и богатому сословию всадников и был известным ритором – преподавателем риторики, красноречия. Философию же он ненавидел.

Учителями Сенеки были Сотийон из Александрии, киник Деметрий, стоик Аттал, эклектик Фабиан Попирий.

Сенека не был примером добродетели. Он был сыном своего времени, своей среды, которая была аморальной. Сенека – пример расхождения мировоззрения и образа жизни. Сенека не жил согласно своим принципам. Он проповедовал бедность, а сам всеми правдами и неправдами стремился к чрезмерному обогащению. Это расхождение между словом и делом Сенека осознавал, о нем писал и его цинично оправдывал. В своем трактате “О счастливой жизни” он говорит: “Мне говорят, что моя жизнь несогласна с моим учением. В этом все время упрекали и Платона, и Эпикура, и Зенона. Все философы говорят не о том как они сами живут, а о том как надо жить. Я говорю о добродетели, а не о себе, и веду борьбу с пороками, в том числе и со своими собственными; когда смогу, буду жить как должно. Ведь если бы я жил вполне согласно моему учению, кто был бы счастливее меня, но теперь нет основания презирать меня за хорошую речь и за сердце полное чистыми помыслами”, и ниже: “Про меня говорят: “зачем он любя философию, остается богатым, зачем он учит, что следует презирать богатства, а сам их накапливает? Презирает жизнь – и живет, презирает болезни, а между тем очень заботится о своем здоровье? Называет изгнание пустяком, однако, если только ему удастся, - состарится и умрет на родине? Но я говорю, что все следует презирать не с тем, чтобы отказаться от всего этого, но чтобы не беспокоится об этом; он собирает его не в своей душе, но в своем доме”. В своих “Письмах к Луцилию” Сенека утверждает, что кратчайший путь к богатству – через презрение к богатству.

Сенека автор многих сочинений. При этом у Сенеки та же история, что и у Цицерона: он в основном писал, когда был не у дел, поэтому большую часть своих сочинений он создал в последние три года своей жизни.

Несмотря на свой девиз: “Пусть наши слова приносят не удовольствие, а пользу”, - Сенека часто стремится к красноречию за счет глубины содержания своих речей.

Сенека довольно хорошо эрудирован в истории философии. Он говорит о Пифагоре, Гераклите, Пармениде, Зеноне, Демокрите, Сократе, Платоне, Спевсиппе, Зеноне-стоике, Клеанфе, Хрисиппе, Цицероне – и это только в одних “Письмах к Луцилию”. Однако его отношение к учениям древнегреческих и римских философов избирательное: его интересуют практически-нравственные взгляды, меньше представления о душе, еще меньше представления о мире.

Сенека ставит личный жизненный пример философа важнее его учений. Он утверждает, что “и Платон и Аристотель, и весь сонм мудрецов, которые потом разошлись в разные стороны, больше почерпнули из нравов Сократа, чем из его слов”, что Клеанф стал подобием Зенона из Китиона не потому, что слушал его лекции, а потому что жил вместе с ним. Сенека преклоняется перед Катонем Старшим, перед Сократом и Платоном, Зеноном и Клеанфом именно как мудрецами, создателями мудрости, которая учит правильно жить, общество которых, хотя бы и заочное, избавляет от пороков.

Сенека резко противопоставляет мудрость и философию, с одной стороны, и знание с другой. Здесь он подобен своему современнику апостолу Павлу, который философии и знанию как мудрости мира сего противопоставляет мудрость мира иного. Сенека говорит о мудрости мира сего даже, когда говорит о Боге. Для него мудрость руководство не для того, чтобы попасть в потусторонний рай, а для того чтобы уцелеть в этом.

Говоря о философии, Сенека различает в ней в качестве ее предметного содержания природу, нравы и разум. Так, что предметом его философии является и природа, иначе он не написал бы свои “Естественные вопросы”. Сенека повторяет деление философии на этику, логику и физику, которую произвели греческие стоики, деление, восходящее к Платону, но без слова “логика” (у Платона была “диалектика”). Знание природы стоикам необходимо, ибо ведь их главное этическое требование – жить в согласии с природой. Но

стоики не знали естественного, природы, они не знали ни одного закона природы. Они превращали природу в метафизическую реальность, которой приписывали свойственные ей черты: разумность и божественность.

Сенека – своего рода теологический и психологический материалист. Все телесно. Телесны и боги, и души. Но в то же время все одушевлено, разумно и божественно. Правда, эта позиция Сенеки до конца не выдерживается. Вслед за греческими стоиками, он берет за начало начал бытие, как то, что есть, все то, что есть. Это бытие он делит на бестелесное и одушевленное, одушевленное – на растительное и животное, а то и другое на виды. Но бестелесное у него как бы существует: пустота и время... Сенека думает, что и тело, и душа, и страсти души телесны. Он утверждает, что “душа есть тело, что благо человеческое не может не быть телом”. Что “страсти – такие, как гнев, грусть, любовь, суть тела”. Но каковы критерии телесности? Телесно то, что способно действовать, а страсти изменяют состояние тела, мы под влиянием страсти изменяемся в лице, краснеем, бледнеем... Значит, они телесны. Вторым критерием телесности является способность к соприкосновению. Сенека приводит слова Лукреция: “Тело лишь может касаться и тела лишь можно коснуться”. Отсюда следует, что различие между материей и разумом происходит внутри телесности.

В конкретном учении о природе Сенека повторяет старое учение об Элементах. Это вода и огонь, воздух и земля. Все эти элементы взаимопревращаются, а следовательно, все находится во всем и все возникает из всего.

Все в природе, в том числе и небесные тела, находятся в движении. “Воззри на звезды, освещающие мир. Ни одна из них не задерживается, непрерывно течет и меняет свое место на другое. Все они вечно вращаются, все они вечно в переходе, перемещаясь согласно властному закону природы”. (Сенека “Утешение Гельвии”: 6,6). Но все движения в природе кругообразны, все находится в круговращении. В этом и состоит “закон природы”, о котором говорит Сенека. Никаких реальных законов природы, разумеется, он не знал. Сенеков “закон природы” – закон судьбы, он подменяет закон судьбой. И все содержание закона природы сводится к тому, что он неподвластен человеку.

Немалое место в философских взглядах Сенеки занимает вопрос смерти, а точнее вопрос самоубийства. Сенека, как и все стоики, начиная с самоубийцы Зенона из Китиона, допускает добровольное прекращение своей жизни, самоубийство, но при определенных условиях. Так Сенека пишет: “Если тело не годится для своей службы, то почему бы не вывести на волю измученную душу? И может быть, то следует сделать немного раньше должного, чтобы в должный срок не оказаться бессильным это сделать”. Вместе с тем Сенека предостерегает против “сладострастной жажды смерти”, которая иногда овладевает людьми и становится, чуть ли не эпидемией. Для самоубийства должны быть веские основания, иначе это малодушие и трусость!

Одним из оснований для самоубийства являются не только телесные недуги, особенно если они затрагивают душу, но и рабство. Проблема рабства широко обсуждается Сенекой. Нет, он вовсе не против социального рабства, того позорного, но неизбежного явления в древнезападном мире. Он даже по-своему оправдывает рабство: ведь рабами становятся те, у кого нет мужества умереть. Сенека расширительно понимает рабство, топя позор социального рабства в бытовом рабстве, которое присуще и свободным, в рабстве многих людей перед страстями пороками.

В отличие от Аристотеля, который стремился не замечать в рабах людей, Сенека прямо заявляет, что и рабы люди, требующие к себе хорошего отношения.

Проповедь Сенеки равенства и свободных, и рабов без требования, однако, упразднения позорного института социального рабства, растворение рабства

социального в рабстве нравственном, в рабстве перед страстями, в моральной низости человека сближает Сенеку с христианством, которое в те уже времена учило о равенстве всех людей пред Богом, равенстве во грехе, без требования упразднения социального рабства.

Этика Сенеки – этика пассивного героизма. Изменить в жизни, в сущности, ничего нельзя. Можно только презирать ее напасти. Величайшее дело жизни – твердо стоять против ударов судьбы. Но ведь это означает, что судьба активна, а человек пассивен. Он занимает, лишь оборонительную позицию. Нужно господствовать над своими страстями, не быть у них в рабстве. Что касается счастья, то оно целиком зависит от нас, в том смысле, что несчастен лишь тот, кто сам считает себя несчастным: “Каждый несчастен настолько, насколько полагает себя несчастным”. Лучше принимать все как оно есть. В этом и состоит пассивная логика стоицизма. В этом и состоит то величие духа, которое проповедовал стоицизм и что привлекало к нему всех, по кому прошелся каток тоталитаризма.

Однако, фатализм Сенеки все же немного бодрый. Он вовсе не проповедует полное бездействие как даосы или буддисты. Фатализм Сенеки – психологическая подборка для деятельного все же человека, который не станет отчаиваться, если у него что-то не получится. Такой человек на минуту остановится, вздохнет, скажет: “Не судьба”, улыбнется и снова примется за дело. Может быть в другой раз повезет. Сенека же при всем его фатализме и проповеди покорности судьбе восхваляет здравый ум, мужественный и энергичный дух, благородство, выносливость и готовность ко всякому повороту судьбы. Именно при такой готовности только и можно достичь для себя состояния сильной и неомраченной радости, мира, гармонии, духа величия, но не гордого и наглого, а соединенного с кротостью, приветливостью и просвещенностью. Сенека говорит, что результатом такого расположения духа будет постоянное спокойствие и свобода, ввиду устранения всяких поводов к раздражению и страху.

Этика Сенеки противоречива. Зачем нужна энергия, если все же от нас ничего не зависит? Если нет большой цели? Это противоречие стоики так и не смогли разрешить. Культ разума и силы духа и признание бессилия человека перед непонятной человеческому разуму судьбой, от которой всего можно ожидать, перед волей Бога, как личного мирового разума, идущего непознаваемыми для человека путями несовместимы.

Такова философия Сенеки, его наука о жизни. Сенека одинок. И самое главное чему может научить его философия, это не только переносить все превратности жизни и удары судьбы, но и большому искусству быть другом самому себе. Дружба с самим собой по Сенеке не эгоистична! Под такой дружбой Сенека понимает внутренний мир и гармонию внутри человека, господство в нем высшего (разума) над низшим (страстями), а такой гармоничный и самоуспокоенный человек действительно может быть другом и для других людей.

Формирующаяся христианская теология сочувственно относилась к Сенеке. Тертуллиан находит у Сенеки немало христианских мыслей. Он даже утверждает, что иногда Сенека был почти христианином. Он замечает это, говоря, что нельзя более истинно и христианину говорить о Боге, чем говорит о Боге Сенека, хотя он и не знал истинной веры.

В эпоху Возрождения Сенека пользовался любовью. Его часто восхваляют гуманисты за чистоту его нравственного учения и за его идеи человека. При этом гуманисты идеализировали Сенеку, чего он как человек не заслуживает. Ведь он и сам говорил о себе, что он видит лучшее, но следует худшему, сознаваясь, таким образом, в своей непростительной слабости.

Эпиктет.

Эпиктет (ок. 50 – ок. 135 гг. н.э.) – уникальное явление в древнезападной философии. Он родился рабом, и длительное время уже взрослым был им. У него не было даже человеческого имени. Эпиктет – это не имя, а прозвище, кличка раба: “эпиктетос” означает приобретенный.

Известно, что Эпиктет родился во Фригии, потом оказался в Риме. Тогда в Риме был моден стоицизм, и многие образованные жители города Рима посещали лекции стоика Мусония Руфа. В числе слушателей бывал и Эпафродит – хозяин Эпиктета, сопровождаемый своим рабом. Лекции вряд ли пошли на пользу хозяину раба, но для самого раба они были судьбоносными. Эпиктет стал невольником-философом, а Мусоний Руф, его невольным учителем.

Неизвестно, когда и как Эпиктет стал свободным, вольноотпущенником. Так или иначе, Эпиктет был изгнан из Рима Домицианом около 94 г., когда этот подозрительный и тяжелый император изгнал всех философов и риторов из Италии. И Эпиктет оказался в сравнительно новом городе Никополисе.

В Никополисе Эпиктет открыл свою философско-воспитательную школу. У него было немало учеников и почитателей, в том числе знатных и богатых. Однако при этом Эпиктет вел нищенскую киническую жизнь.

Как и бедствующий, но гордый Сократ полтысячиелетием до него, Эпиктет ничего не писал. Не исключено, что он был неграмотным. Но дело не в этом. Для Эпиктета – философа-моралиста - практика была важнее теории, устное слово, внушение и личный пример важнее письменного слова.

Рабство наложило тяжелую печать на робкого и хилого Эпиктета. Он не был Спартаксом. И подобно тому, как нашим главным вопросом является вопрос, как стать свободным от тоталитаризма, так и для Эпиктета главным вопросом был вопрос о том как стать внутренне свободным при внешнем рабстве, против которого Эпиктет ничего нигде никогда не говорит. Как и Сенека, Эпиктет подменяет социальное рабство нравственным. Только Сенека это делал с позиций рабовладельца, а Эпиктет – с позиций раба.

Главный тезис Эпиктета состоит в утверждении, что существующий порядок вещей изменить нельзя, он от нас не зависит. Можно лишь изменить свое отношение к тому существующему порядку вещей. Его “Руководство” начинается словами: “Из всех вещей иные нам подвластны, а иные нет. Нам подвластны наши мнения, стремления нашего сердца, наши желания и наши отвращения, одним словом, все наши действия. Нам неподвластны тела, имения (собственность), репутация, чины, одним словом, все то, что не есть наши действия”.

Эпиктет был, конечно, малообразованным человеком. Вряд ли он знал науки. Так или иначе, он не предавал им значения. Ведь даже Сенека, человек образованный, автор “Естественных вопросов”, третировал “свободные искусства” как то, что отвлекает человека от мудрости, которая состоит в знании добра и зла. Тем более Эпиктет ничего не говорит о науке. Философию же он делит, как это было принято в стоицизме, на физику, логику и этику. Об этом он в “Руководстве” говорит так: “Главнейшая и нужнейшая часть философии есть та, которая учит употреблению сих предложений, например: что не должно обманываться и одну вещь вместо другой понимать. Вторая есть та, которая учит доказательствам, например: для чего не должно обманываться. Третья, которая те самые доказательства подтверждает и изъясняет, например: для чего есть то доказательство, и в чем сила оно? Что из него следует и чему противоположиться может? В чем оно истинно и в чем ложно?

Из сего видно, что третья часть нужна для второй, вторая для первой, однако всех нужней первая, которою одною довольствоваться должно бы, но мы противное делаем; ибо упражняемся в третьей части, и весь труд наш в ней полагаем, первую вовсе пренебрегаем”.

Иначе говоря, логика должна служить физике и этике. Логика состоит в обосновании и исследовании доказательств. Она позволяет понять, что такое доказательство, какое из рассуждений доказательно, а какое нет, что такое логическое следствие. Она помогает избежать нам противоречий и других логических ошибок. Помогает нам отличить истину от заблуждения. Но логика не может отличить правду от лжи, а это означает, что без нравственного воспитания логика бесполезна для общества. Поэтому нужнее логики этика. Этика учит, что лгать не следует, она внушает мысль о бесполезности и даже, по большому счету, опасности для лжеца его лжи.

Эта опасность обосновывается представлением Эпиктета о природе, его физикой. Вообще-то к физике Эпиктет равнодушен. И поэтому для него достаточно одной этики. Если что и можно для философии извлечь полезного из физики, то это, во-первых, возможность согласования своих желаний с естественным ходом вещей (а это знание от физики) и, во-вторых “знание” того, что в мире правят боги. И эти боги всезнающи. Вот почему ложь для лжеца всегда опасна: богов нельзя обмануть, они все знают и рано или поздно накажут лжеца за его ложь.

Эпиктет рационалист. Истинная сущность человека – в его разуме, который является частицей мирового космического разума. Отнять у человека разум, – значит, убить его. Человек далее не только разумное существо, но и существо обладающее свободой мысли и свободой воли. Эти достоинства человека также неотчуждаемы. Эпиктет говорит, что никто не может отнять то и другое у человека, даже если отнять у него имущество, честь, семью и само тело.

Такова свобода в понимании Эпиктета. Все же это свобода смиренного и гордящегося своим смирением обездоленного человека. Смирение и покорность, подмена изменения порядка вещей, объективной действительности, общественного строя изменением своего сознания и своего отношения ко всему этому. Это импонировало христианству. И не случайно, что ранние христианские теологи сочувственно относились к пассивному мировоззрению Эпиктета.

Эпиктет внушал своим ученикам обращаясь к каждому из них: “Все дела твои и предприятия начинай следующей молитвою: управляй мною Зевс, и ты, необходимая судьба. Куда и чему вы меня определили, я вам следовать буду усердно и нелепостно. А хотя бы я не пожелал, то, однако поневоле следовать вам должен”. Такого фаталистического и примиряющего нас с тем, что есть и что происходит в нашей жизни само по себе, независимо от нашей воли, от наших желаний и планов. И не является ли мировоззрение Эпиктета тем самым мировоззрением героического пессимизма столь характерного для римских стоиков.

Марк Аврелий.

Третьим выдающимся стоиком во времена Ранней Римской Империи был император Марк Аврелий (160-180 гг. правления).

Мировоззрение Марка Аврелия противоречиво. Оно сочетает в себе очень острое сознание бренности, скоротечности и новизны жизни и проповедь необходимости быть деятельным, энергичным и справедливым государственным деятелем. Пожалуй, ни у кого не проявилось с такой силой противоречие между философской надвременностью и практическим погружением в эту самую временность, как (в силу его общественного положения) это произошло у Марка Аврелия.

Марк Аврелий как никто другой остро чувствовал течение времени. Краткость человеческой жизни. Смертность человека. Его мгновенность в бесконечном временном потоке. “Время есть река... стремительный поток. Лишь появится что-нибудь, как уже проносится мимо, но проносится и другое, и вновь на виду первое”. “Оглянись назад – там безмерная бездна времени, взгляни вперед – там другая беспредельность”. (Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления). Перед этой беспредельностью времени одинаково ничтожны и самая долгая, и самая короткая человеческая жизнь.

Как никто другой остро сознавал Марк Аврелий ничтожество всего: “Ничтожна жизнь каждого, ничтожен тот уголок земли, где он живет”. Тщетна надежда надолго остаться в памяти потомства: “Ничтожна и самая долгая слава посмертная; она держится лишь в нескольких кратковременных поколениях людей, не знающих самих себя, не то что тех, кто давно опочил”.

И в этом всепожирающем беспредельном потоке жизни нет и не будет ничего нового: “...наши потомки не увидят ничего нового, ведь, человек, достигший сорока лет, если он обладает хоть каким-нибудь разумом, в силу общего единообразия некоторым образом уже видел все происшедшее и все имеющее быть”. И в самом деле, позади настоящего для Марка Аврелия лежала большая и довольно однообразная история. Император не находил в ней качественных перемен. Все одно и то же.

Эти примеры личного и исторического пессимизма императора Марка Аврелия можно умножить. Они составляют наиболее яркие живые строки в его записках, обращенных к самому себе. Разочарованность, усталость императора – это разочарованность и усталость самой Римской Империи, будущее которой было действительно неведомо. Марк Аврелий не знал, что его неудачного сына – императора после него – убьют, что с его смертью прекратится династия Антониев, что Римское государство вступает в смутные времена, когда в середине III в. н. э. оно фактически распадется. Смутное время породило Плотина. Диоклетиан собрал империю. Но это была совсем другая империя. Принципат сменился доминатом. Это откровенный, а не эпизодический, как во времена Ранней Римской империи, восточный деспотизм. Вскоре после своего возрождения Римская империя примет христианство. И начнется новая эпоха – эпоха окончательного заката античной культуры и эпоха расцвета христианской культуры.

Но было бы неправильно односторонне сводить мировоззрение Марка Аврелия только к негативной его стороне, хотя и самой сильной и выразительной. Дело в том, что из его пессимизма, из его острого осознания кратковременности и самой жизни человека, и памяти о нем, и славы не следует, того, что мы находим у таких же разочарованных людей – проповеди или бездействия, или того, что если все так зыбко, то остается только предаться доступным человеку наслаждениям, а там пусть будь, что будет.

У Марка Аврелия есть совокупность несомненных для него нравственных ценностей. Он говорит о том, что лучшее в жизни: “справедливость, истина, благоразумие, мужество”. Да, все “сущая суета”, но все-таки есть в жизни то к чему следует относиться серьезно. Это праведное “помышление, общепользная деятельность, речь, неспособная ко лжи, и душевное настроение, с радостью приемлющее все происходящее как необходимое, как предусмотренное, как проистекающее из общего начала и источника”. Здесь необходимо отметить такую ценность, как “общепользная деятельность”. Марк Аврелий называет это также “гражданственностью” и ставит ее наравне с разумом. Эти истинные ценности император противопоставляет таким мнимым ценностям, как “одобрение толпы, власть, богатство, жизнь, полная наслаждений”.

У Марка Аврелия есть положительный идеал человека. Это существо “мужественное, зрелое, преданное интересам государства”. Это римлянин. Это существо “обличенное властью, которое чувствует себя на посту и которое с легким сердцем ждет вызова оставить жизнь”. Это существо, которое видит “мудрость исключительно в праведной деятельности”.

Такова раздвоенность человека в его жизни: он и кратковременное, живущее лишь настоящим мимолетное существо, и существо преследующее долговременные и прочные цели. Марк Аврелий осуждает того, кто все время в делах, но свои дела не соотнобразовывает с какой-то одной целью, подчиняя ей всецело все свои стремления и представления. Надо служить благу государства в котором, однако нет ничего нового, все надоело и опостылело. Такая раздвоенность у Марка Аврелия в какой-то степени объясняется его внутренней раздвоенностью на философа-стоика и высшего правителя громадной и сложной империи. Но у императора есть философское обоснование и второго взгляда на жизнь.

С убежденностью в текучести всего поразительным образом уживается мысль, что все есть некое большое целое в котором все связано. И этим целым управляет разум этого целого, его Логос. Там же Марк Аврелий помещает каким-то мало понятным образом и богов. Это целое динамично и подчиняется промыслу. Люди, как разумные существа едины в своем разуме, у всех у них единая душа единый разум. В разуме люди сходятся друг с другом.

А говоря точнее, человек в понимании Марка Аврелия тройственен: у него есть тело – оно бrenно, есть душа или что не совсем то же – “проявление жизненной силы” и есть руководящее начало, знаменитый стоический гегемоникон, руководящее начало, что и есть разум.

Марк Аврелий называет разум в человеке его гением его божеством. Человек должен пестовать его в себе, не оскорблять ничем низшим, не осквернять живущего в “труди гения”. А это значит никогда не считать для себя полезным то, что “когда-либо побудит тебя преступить обещанное, забыть стыд, ненавидеть кого-нибудь, подозревать, клясть, лицемерить, пожелать чего-нибудь такого, что прячут за стенами и замками. Ведь тот, кто отдал предпочтение своему духу, гению, служению добродетели, не надевает трагической маски, не издает стонаний, не нуждается ни в уединении, ни в многолюдстве. Он будет жить – и это самое главное – ничего не преследуя и ничего не избегая. Его совершенно не беспокоит, в течение большего или меньшего времени его душа будет пребывать в телесной оболочке, и когда придет момент расставания с жизнью, он уйдет с таким же легким сердцем, с каким стал бы приводить в исполнение что-нибудь другое из того, что может быть сделано с достоинством и с честью...”.

Здесь говорится о душе, но неясно будет ли эта душа жить после смерти, или же она сольется с мировой душой. Интересно, что Марк Аврелий допускает на миг возможность полной смерти, ведь надо быть готовым ко всему: “Душе, готовой ко всему, не трудно будет, если понадобится, расстаться с телом, все равно ждет ли ее угашение, рассеяние или новая жизнь”. Он допускает, что нет богов и нет промысла, но тут же, как бы испугавшись, отбрасывает это предположение, говоря: “Если же богов не существует, или нет дела до людей, то что за смысл мне жить в мире, где нет богов и нет промысла?”. Нет, возражает сам себе император, “боги существуют и проявляют заботливость по отношению к людям”.

Но как тогда сочетать промысел богов и свободу человека? Фаталист ли Марк Аврелий? Иногда кажется, что он фаталист. Разве он не говорил о том, что с легким сердцем принимать все то, предусмотрено? Но вместе с тем в его несистематизированных заметках мы находим мысль о свободе человека по воле богов:

“Они устроили так, что всецело от самого человека зависит, впасть или не впасть в истинное зло. Марк Аврелий приводит слова Эпиктета: “Нет насилия, которое бы могло лишить нас свободы выбора”.

Но вместе с тем император не призывает к активной борьбе со злом. Все-таки надо принимать и жизни и смерть так, как они происходят. Жить надо так, как если бы каждый день был последним и каждое дело, которое ты делаешь, - последнее в твоей жизни дело.

Таков правильный путь по которому должен идти человек. Но как на него выйти? В этом нам может помочь только философия. “Философствовать же значит оберегать внутреннего гения от поношения и изъяна, добиваться того, что бы он стоял выше наслаждений и страданий, чтобы не было в его действиях ни безрассудства, ни обмана, ни лицемерия, чтобы не касалось его, делает или не делает чего-либо его ближний, чтобы на все происходящее и данное ему в удел он смотрел, как на протекающее оттуда, откуда изошел и он сам, а самое главное, - чтобы он безропотно ждал смерти, как простого разложения тех элементов из которых складывается каждое живое существо. Но если для самих элементов нет ничего страшного в их постоянном переходе друг в друга, то где основание бояться кому-либо их обратного изменения и разложения? Ведь последнее согласно с природой, а то, что согласно с природой, не может быть дурным”. (Марк Аврелий. Размышления.)